

БЕЛЫЙ ЛИСТ

Сегодняшний мой рабочий день начинается в кабинете редактора. Кабинет этот внушает мне смутное уважение двойными дверями из дуба с витиеватыми медными ручками, смущая блеском полировки трех широких столов, поставленные буквой «Г» и заваленных бумагами и газетами.

Не отрываясь от телефонной трубки и что-то записывая в блокнот, редактор приветственно кивает мне головой и одновременно указывает на стул, давая понять, что мой визит пришелся кстати и что у него есть до меня какое-то неотложное дело. Я продолжаю стоять, оперевшись ладонью о стол. Он знает: рассиживаться я не люблю, его жест - лишь формальность, и продолжает «мгукать» в аппарат.

Редактор нашей газеты – слегка облысевший высокий мужчина лет сорока пяти. Говорит он всегда веско и значительно, с трубным «О», как нижегородский мужик. На вид он человек простоватый, но к нему мы относимся серьезно.

-Что ж, - закончив свое мычание и дружески пожимая мне руку, говорит редактор. - Где наш великий фотограф? Позови-ка его, Михаил Андреевич.

«Великим фотографом» он именует Серегу-фотокора, молодого парня, баламута и хохмача. В связи с повсеместным вводом разных компьютерных фотопрограмм его должность постоянно грозятся сократить, но он, кажется, вовсе не берет это в голову. По своей молодости и беспечности он еще не догадывается, что его может ждать впереди. Я направляюсь на чердачный этаж, где ютится неприступное обиталище моего приятеля, неприступное, потому что он там вечно запирается, ссылаясь на фотографическую алхимию. Таким образом Серега имеет как бы негласный статус обособленности и, наверное, очень рад такому обстоятельству: всегда есть возможность сослаться на кучу дел, заглянуть в которые никто не в состоянии, а потому можно с полным сознанием правоты не явиться, например, на профсоюзное собрание. Но мой голос всегда действует как пароль. Дверь в лабораторию отворяется, и вскоре мы с Серегой предстаем перед редактором.

-Вот что, - говорит тот, кладя ладонь на стол, - нужно написать большой очерк про одну передовую ферму и дать к нему пару хороших снимков. Но... - тут редактор останавливается и как-то по особенному, пристально смотрит на меня. - Надо, чтоб завтра к двенадцати дня все было готово.

Мне показалось, он хотел сказать что-то совсем другое... Ну что ж, к двенадцати так к двенадцати, не в первой: наша газета постоянно живет без особого запаса материалов.

-Смотрите, - все же считает вставить нужным «шеф» (так его в свою очередь за глаза называет Серега), - чтоб на высоте!..

Вдохновленные запалом напутственных фраз, мы спускаемся вниз, выходим во двор, где стоит редакционный «Уазик» с внушительной надписью

белыми буквами «Корреспондентская». Капот открыт, шофер Семен Павлович роется в моторе.

О Семене Павловиче я тоже хочу сказать несколько слов. Дело в том, что он крестьянин до мозга костей, мужик деревенский, лет до сорока пахал и сеял, а потом переехал в город и лет уж двадцать крутит баранку по районным дорогам, которые он давным-давно выучил наизусть. Помню, несколько лет назад, когда я впервые пришел в редакцию, то долгое время испытывал некоторую посрамленность перед его познаниями. Поедешь с ним порой, а он взглянет на поле и отпустит нечто вроде: «Да, всходы нынче не те» или: «В валки нужно собирать, а они что делают, черти!» А ведь тебе самому сейчас нужно писать про эти самые всходы, но ты в них ни бельмеса, потому что ничего, кроме городских небоскребов, не видел... Правда, минувшие годы не прошли зря, я тоже кой-чему научился, и нынче даже с Семеном Павловичем могу поспорить и насчет всходов, и насчет валков.

Обычно из Семена Павловича не вытянешь ни единого слова за долгие часы пути туда и обратно. Позволяет он себе разговориться только в крайних случаях, по поводам, с его точки зрения, значительным. Семен Павлович бывает способен и пошутить иногда, но в шутках его столько укора, что невольно начинаешь сомневаться: да шутка ли это? Вот и сейчас, открывая дверцу «Уазика», Серега частично разлил канистру с бензином, запачкав авторезину.

-Высохнет, - успокоил я.

-А совесть тоже высохнет? - неподвижно уставившись почему-то именно на меня, сделал выговор Семен Павлович.

Есть еще у шофера особая привычка подменять одни слова другими, неподобающими по смыслу и потому смешными. Так, когда он спорит с бухгалтершей, бензин он всегда называет керосином.

-Ну, - спросит он, - опять я керосин перерасходовал? Да пью я его что ли, керосин-то?

За «керосин» в бухгалтерии в свое время разражались настоящие баталии. Бухгалтерша стоит на своем и грозит высчитать с Семена Павловича перерасход литража, а он упорно доказывает ей, что дороги весной тяжелые и нормативы неправильные. В таком случае он никуда не поедет. Тогда и перерасхода не будет.

Но в отсутствие Семена Павловича в бухгалтерию приходит редактор и разъясняет, что Семен Павлович человек надежный, «керосин» он действительно не пьет, и нужно сделать так, как раньше - перебросить в отчете бензин из одного квартала в другой, а летом разница сгладится.

Что касается работников редакции, то к ним Семен Павлович относится достаточно невозмутимо, что ли. Во всяком случае, если я скажу, что в десять мне бы нужно выехать туда-то, Семен Павлович, с достоинством поразмыслив, вспомнит, что ему всего на полчаса нужно заехать за запчастями. Это значит одно: раньше, чем после обеда, я не поеду. Но если куда-то нужно редактору, Семен Павлович подойдет к вопросу максимально уважительно. С

«начальником» - так он называет редактора - он пунктуален.

Сегодня у Семена Павловича резона оттягивать отъезд нет: ведь мы под надежным крылом «шефа». Хлопнув капотом, он заводит двигатель, и вскоре машина выходит за городскую черту.

Вот так мы и живем. Бегут каждый день все новые дороги, меняются лица, мелькают чужие судьбы, и только наш маленький газетный кружок остается неизменным.

Тают позади километры, десяток за десятком, проносятся мимо нас автомобили, бросает весна охапками теплый ветер за чуть приоткрытое окно... Мы и не замечаем, как оказываемся в небольшом поселке. Дома его давно не подновлялись краской, шиферные крыши почернели, фундаменты подосели. Лишь на краю, в самом живописном месте, рядом с песчаным спуском к реке, в окружении вековых елей, высится чудо архитектуры – замок – не замок, дворец – не дворец. Окруженный высоким каменным забором, надменно и гордо нависает сей каменный изыск над ветхим деревянным жильем, словно пришелец из красивой, не здешней жизни.

-Там мадам фермерша живет, - усмехается всезнающий Семен Павлович. Однако машина, которую Семен Павлович, находясь в хорошем состоянии духа, именует «лошадью», останавливается у довольно невзрачного одноэтажного строения, бывшей совхозной конторы – именно там нам назначена аудиенция.

-Очень вас ждали! - с радушной и немного даже кокетливой улыбкой, следствием предполагаемого влияния своей внешности, говорит вышедшая нам навстречу миловидная женщина средних лет. В ней чувствуются энергия и напористость. – Так это вы тот самый Николаев? Вы интересно пишете, я всегда с удовольствием читаю ваши статьи, - последнее ее признание, хочу я того или нет, делает меня в душе ее тайным другом, и я принимаю ее мягкий тон, веселый и беззаботно-хитроватый прищур глаз, чисто по-женски наигранную непринужденность.

-Когда тысячами разрушались колхозы, говорили – сельскому хозяйству конец. Но пришло фермерство! Вот вам альтернатива, - уже по-деловому говорит она. – У нас прекрасные рынки сбыта и мы – процветаем! Что касается моей фермы, то там почти одна молодежь – наше будущее!

-У меня несколько иная точка зрения, - неторопливо возражаю я скорее для проформы, так как не сомневаюсь, что эта хваткая женщина наверняка достойна всяческих похвал: не нефтью, чай, торгует. И лишь для поддержания беседы продолжаю. - В климатических условиях России только крупная коллективная собственность, которую практически уничтожили, была способна обеспечить продовольственную безопасность страны... А сейчас все мы живем в основном на тухлом импорте, который в любой день могут перекрыть – вы знаете это лучше меня. Но я романтик, и если вы убедите меня в обратном, я буду только рад...

-И убедим. Когда я взялась за дело, прибыль пошла уже через год.

-Так насколько я знаю, и при Советах эта ферма не бедствовала.

-Полноте, в начале девяностых ее практически разворовали. Там ничего не осталось, кроме стен.

Обаятельную женщину не остановить. Мне уж и неудобно, что я слегка взъершился. Прав редактор, нужно поддерживать таких энтузиастов. Да и статья, кажется, пойдет легко. В отличие от многих, с кем приходится сталкиваться, слова из собеседницы не вытягиваешь, словно резину. А это, выражаясь на косноязычии газетчика - залог успеха.

-В принципе вы, наверное, большой молодец, - говорю я. - Хотелось бы еще эту ферму посмотреть. Как мы сможем туда проехать? - я подвожу итоговую черту. Женщина поостыла и задумалась.

-Туда очень трудно проехать... Пятнадцать километров по большаку, плюс пять по совершенно разбитой дороге. Весна, распутица... Трактора только ходят. Ваш потрепанный «Уазик» не вытянет. Да и зачем! - осеняет ее. - Я вам и так все рассказала.

-Вы ведь хотите, чтоб рассказ был хорошим? Значит, все надо увидеть своими глазами.

-Послушайте, молодой человек, - наигранный тон смазливой кокетки внезапно уходит в небытие. - Разве вам ничего не сказал редактор? Петр Константинович из областной администрации обо всем с ним договорился. Более того, редакции заплачены деньги, и немалые. Возвращайтесь в город и делайте материал.

-Во-первых, редактор ничего особенного мне не говорил. Во-вторых, я ведь не учу вас, как вести фермерское хозяйство. Так с кем можно переговорить на ферме? - я в готовности держу ручку.

Но на сей раз чуть приглушенное многозначительное выражение появилось на лице фермерши; загадочно и иронично улыбаясь, она медленно, с расстановкой произносит:

-Вы ни с кем не сможете там переговорить...

-То есть? - я изучаю ее взгляд, пытаюсь понять причину этой странной загадочности, скрытой в уголках губ и играющих ямочках на щеках.

-Знаете, я совершенно искренне не советую вам встречаться с работницами. Девушки родились не такими, как все... Но раз уж вы так рветесь туда, у меня будет просьба: не спрашивайте их о родителях. Родителей у них нет... То есть, они есть и даже здравствуют. Но... Впрочем, я ничего не буду вам больше объяснять, - обрывает она. - Езжайте... Все равно не добьетесь. Даже мой «Гранд чероки» весной туда не пройдет...

-Так то «Чероки», - усмехнувшись, пожал плечами я и вышел. На капоте «Уаза» мы пообедали взятой в дорогу скромной провизией и поколесили на ферму. Пятнадцать километров пролетели птицей. Машина притормаживает и осторожно скатывается в непролазную пучину, которая когда-то, много лет назад, была дорогой. Я сразу понял, что предостережения не напрасны. Машину швыряло с одного края обочины на другой, она неистово ревела, пробиваясь сквозь глубочайшую жижу, и «дворники» щелкали, смывая не

следы дождя, а сплошную завесу, образовавшуюся на лобовом стекле из-за комков грязи. Проехать удалось не более пятисот метров - машина заглохла с колесами погрузившись в коричневатое месиво, так что когда я открыл дверцу, на пол заструилась вода. Слава Богу, у всех были сапоги с высокими голенищами: уж мы-то выучили славные дороги Нечерноземья! Семен Павлович с остервенением завел мотор, тот с не меньшим остервенением взвыл, но «Уаз» не тронулся с места.

-Приехали! - отрезал Семен Павлович, сошел на обочину, где было посуше, и в лаконизме его восклицания я ощутил укор в свой адрес: «Говорили же, что нечего туда ехать!..»

На наше счастье, сзади шел колесный трактор с телегой. С последней прыгнули две женщины - как видно, «Беларус» дальше ехать не собирался. Семен Павлович прицепил свой бывалый трос, трактор дернул машину, та вздрогнула, но стальной трос сразу порвался, как нитка. Забрызганные грязью с ног до головы, мы оторопело смотрели на происходящее.

-Помогайте! - вновь все тем же укоризненно-недовольным тоном сказал Семен Павлович, и я направился к трактористу за его более надежным тросом.

С чмокающим хлопком, словно пробку из бутылки, «Уазик» вышибло из засосавшей его жижи. К чести Семена Павловича, не говоря более ни слова, он повел машину, держась правой обочины, как ему и посоветовали.

Только сейчас мне в голову пришла та мысль, что все наши воззрения и пространные рассуждения, не будь Семена Павловича и его верной машины, не откуда было бы брать. Любая идея, таким образом, просматривалась с двух сторон: с духовной и примитивно физической. Материальным подкреплением идеи был сам Семен Павлович. А я ведь до сих пор не придавал этому значения. И сейчас вновь ощутил какую-то непонятную близость к этому угрюмому Семену Павловичу, словно к своему главному соавтору.

«Уаз», всегда шутивно справлявшийся с обычной путиной, на этот раз шел тяжело, порой резко проваливался в почти метровые ямы то тут, то там... Оба моста внедорожника отчаянно и яростно работали на самой низшей передаче. Машина чудом выскакивала из огромных болотных ловушек, залитых водой, и как маленький бульдозер, проламывая глубокую вязкую жижу, устремлялась вперед.

Вскоре за пустынными, едва открывшимися от снегов полями, появилось несколько домишек, а за ними ферма и подсобные сараи. Мы остановились во дворе среди разливанного моря несусветной грязи.

-Есть кто-нибудь? - вопрошаю я нарочито бодро, зайдя на ферму. В ответ доносится одинокое коровье мычание. А потом наступает тишина. Вдруг слышу: рядом в коридоре кто-то идет. И вижу девушку, в глазах которой - напряженное недоверие, испуг и пустота.

-Здравствуйте, - выдавливаю я. Почти не подняв на меня стеклянных глаз с выражением остережения, она тенью проскальзывает мимо, словно не существует ни меня, ни моего приветствия. Полный недоумения, я углубляюсь в помещение фермы и в дальнем уголке застаю остальных. При виде чужака они оставляют работу и инстинктивно жмутся друг к другу, словно

выброшенные на улицу щенята. Их лица поражают меня: в них нет ничего - ни света, ни задора, ни грусти, ни радости - настолько привычных в человеческом лице, что даже представить себе их отсутствие невозможно.

Одна из них, сутулая и почти безобразная, с ужимкой испуганного маленького зверька исподлобья глазеет на меня. Другая, непоседливая, юркая, с постоянно открытым ртом, не произнося ни слова, мчится во двор, заскакивает в машину и начинает неистово сигналить, пока ее оттуда не «шугает» шофер.

-Вам нравится здесь работать? - помолчав, спрашиваю я.

-Не зна-а, - отвечает, наконец, одна из них, та, что бесцельно смотрит в потолок, хотя там ничего не происходит, и от ее облика веет тем же, чем от остальных - признаками самой страшной человеческой болезни - отсутствием разума.

-Вы не собираетесь уходить с фермы? - опять спрашиваю я, хотя мне уже не по себе.

-Незна-а, - опять бесцветно повторяет смотрящая в потолок. Ее лицо искажено жуткой, застывшей гримасой.

-Где ваш дом? Дом, понимаете, живете где, спите? - я произношу эти слова через силу, начиная чувствовать себя каким-то нелепствующим клоуном.

Одна из них испуганно показывает на одну из замызганных дверей хлева. Толкаю ее ногой. На голом холодном полу грязные матрасы и фуфайки. В углу большая бадья с каким-то пойлом, а рядом разбросанные, давно не мытые грязные миски.

-Вы из газеты? - тихо спрашивает меня откуда-то взявшаяся пожилая женщина. - Пройдемте во двор.

-Да, да! - с радостью подхватываю я, потому что присутствовать здесь больше не могу. Теперь мы одни.

-Зачем вы здесь?.. - в глазах старой доярки какая-то грустная дума. - Они все ненормальные. Дети алкоголиков.

-Но... - обескураженный, я не могу найти нужные слова. - Как же они справляются с работой?

-Ума много не надо, чтоб телегу с силосом толкать. Задание я назначаю. Они слушаются исправно. И работу выполняют получше иных нормальных - у тех ведь запросы всяческие. А у их... Самой до пенсии немного осталось, вот дни и вырабатываю за небольшую зарплату. Так получилось, одна я осталась. Мыкаюсь с ними здесь...

-А им хоть хорошо платят?..

-Какое!.. Вообще не платят. Раз в неделю баланду привозят – ею и собак, и девчонок кормят... Вот вся плата. Нет, не все из них полные-то дуры... Не так бы жить им надо. Да деваться-то некуда...

Глубоко вздохнув, она продолжает:

-Жаль их, а что поделаешь... А работают справно. Слушаются... Вы хозяйке нашей только не передавайте этот разговор. Уволит. Она-то хорошо живет. Хотя... все равно. Моя жизнь прошла.

Я киваю головой, не зная, что и сказать. Потом подзываю Серегу, и тот, понимающе мигнув, делает снимок старой доярки. Я прощаюсь с единственными обитателями заброшенного среди болот хутора.

-Ты видел?.. Нет, ты видел! - вопрошает на обратном пути Серега. - Жуть. Осадок нехороший... Как будто с того света возвращаемся.

Палыч дергает руль, и словно продолжает Серегину мысль:

-Приснятся, не дай Бог. Бедолаги, на всю жизнь наказание! И внезапно сменив тон, дает волю гневу:

-И что вас носит туда, куда вороны не летают! Других ферм, что ли, нету! Машину рвать! Керосину сожог - чуть не полный бак! - и он нервно поддает газу. Наверное, Палыч по-своему прав насчет машины и «керосину». Тем более, опять ему ругаться в бухгалтерии.

...Я смотрю на дорогу. Она говорит о многом. Она говорит о том, что где-то там, за подъемами и спусками, за пробуждающимися от зимнего забытья лесами, стоит город, в нем живут и работают люди, в дальнюю даль вершат свой бег поезда и текут освободившиеся ото льдов реки. Тянутся поля, на которых уже стаял снег, и, кажется, широкое это пространство в последние мгновенья очнется от слишком затянувшегося сна...

-Как, все нормально? – спросил редактор, который сразу попался мне навстречу в редакционном коридоре. - Тогда за дело - и смотри, побольше чувства, номер-то праздничный.

Я прошел в кабинет, сел за стол. До сих пор не могу понять, что со мной произошло. Я не мог, не хотел ничего писать, хотя, кажется, ничего не было проще, как сесть и накатать на одном вздохе пяток страниц об обаятельной хозяйке и ее ферме, которую она восстановила из руин. Я снова вышел в коридор. Редактор заваривал чайник - он у нас постоянно стоит на столике у окна.

-Дело идет? – «шеф» любит приободрить.

-Вы знаете, что все они... - я в упор смотрю на редактора.

-Знаю, - сказал редактор. - Пиши. Очерк о фермерах-передовиках. Ведь они передовики? Показатели у них отличные? Надои высокие? Ну так!..

-Понял... - вслух начал догадываться я. – Этой бабе позарез нужны дотации из госбюджета. А чинушам очередные дифирамбы. Вот к чему эта статья...

-Михаил Андреевич, мы с тобой не первый год вместе. Я тебе сделал самую большую зарплату в редакции после себя. И потом, Петр Константинович из администрации... Не забывай, кто нас кормит. Население должно знать, что работа на селе идет, и руководство области об этом беспокоится, поддерживая передовых фермеров.

-А вы знаете, что они за миску супа работают на эту бабу?! - не выдержал я.

-Ну и что?! Так бы они подошли в сумасшедшем доме! – заорал редактор.

– Пол России сейчас за миску супа работает не известно на кого... А рубрику подбери нормальную. «С заботой о людях» или что-нибудь про молодежь и перспективы. Нынче злободневно. Сам знаешь. Словом, пиши. А про это... забудь. И никому больше не рассказывай.

Я вновь закрылся в кабинете. Чужими и мерзкими казались мне эти облагороженные «евроремонт» стены, застланные свеженьким ковролином полы, ледяным мир, в котором ездил и бывал, про которой говорил.

Я подошел к окну. Холодный ветер гнул голые деревья, по тротуарам шли люди, прячась в свои пальто. Неуютно, казалось, проникла и в кабинет.

Всегда бывало тревожно на сердце, когда приходилось общаться с тупым или душевно глухим человеком, ведь тогда одиночество становилось бесконечным, обреченным. Мои же незваные герои вызывали иное - боль и даже страх. Да, страх!.. Потому что в их лицах, где не было мысли, полнокровно здравствовала смерть.

Но гораздо страшнее были лица тех, кто все это понимал...

Одиночество... Оно пряталось в невероятной суетности редакционных будней, внешне предельно заполненных, разнообразных, оставляющих даже какое-то удовлетворенное чувство хорошо исполненного дела, когда к концу рабочего дня голова разбухает от усталости и уже не хочется ни о чем думать. Оно подступало и среди спешки, и в кратких перекурах на лестничной площадке, говоря с том, что суета обманна и давно отняла тебя у самого себя...

Я смотрел в бесцветную законную хмарь, схоронившую память о приветливых летних днях, а мысли скользили с одного на другое. Когда я узнал об измене жены, то не развелся, как все нормальные люди. Она плакала, клялась, что это нелепая случайность, что любит только меня - и я не развелся. Но впервые со мной тогда произошел ни с чем не сравнимый надлом. Чистота и ясность человеческих отношений в один миг легли прахом. Вставал каждое утро, чтоб пройти по холодной земле, неся в себе ношу, с которой никто не в состоянии смириться. И смирялся. Я словно бы угодил в иную систему нравственных координат, в которой, оказывается, вполне приспособился существовать. Это было отвратительно. Но это было так... Теперь же я понял, что не хочу жить по-прежнему. Есть только одна жизнь и одна дорога, по которой каждый идет только раз.

Еще несколько шагов по кабинету. Сажусь за стол. Передо мной белый лист. Смотрю на него... и впервые не могу писать то, что нужно завтра газете.